

Юрий ПОКЛАД

г. Мытищи,
Московская область

РЫБНОЕ ОЗЕРО

рассказ



В мою память навсегда впечатано чувство катастрофы, хотя за давностью и должно было потерять остроту. Оно вспоминается неожиданно, чаще всего бессонной ночью, события выстраиваются в памяти так отчётливо, словно случились недавно, а не сорок лет назад.

После окончания института я попал по распределению на Крайний Север в геолого-разведочную экспедицию глубокого бурения. Для начала меня направили помощником дизелиста в бригаду бурового мастера Сафонова.

Первая вахта тянулась долго, без привычки тяжело пробыть целый месяц посреди тундры — бледно-зелёного болота с редкими небольшими озёрами. К тому же зачастили туманы, характерные для сентября. Выйдешь утром из балка, взглянешь на буровую вышку, а кронблока не видно, даже верхние полати с трудом различимы, — и безнадежное одиночество, потерянности в этом суровом мире охватывают с ещё большей силой.

Но работе туманы не были помехой, бурение шло, как полагается, по плану; проблема заключалась лишь в том, что из-за них не летали вертолёты и с продуктами на буровой появились проблемы.

Густые туманы стояли две недели подряд, и мы дожили до того, что в столовой повара Надежда Сергеевна стала готовить исключительно манную кашу на завтрак и макароны по-флотски — на обед. Сафонов хмурился, фыркал и оставлял половину макарон на тарелке. Хорошо ещё, что муки было достаточно, Надежда Сергеевна пекла из неё вкуснейший хлеб с поджаристой корочкой. Но одним хлебом сыт не будешь, и однажды Сафонов, не выдержав, сказал:

— Всю жизнь в тундре работаю, но такой буровой бригады ещё не видел. Среди вас рыбаков нет, что ли? Или рыба в озёрах перевелась? Неужели вам манная каша с макаронами ещё поперёк горла не встали?

Рыбаки были, и озеро было в километре от буровой — из него качали воду для бурения, был проложен и водопровод. Вполне внушающее доверие озеро, в таком обязательно

должна была водиться рыба — пелядь, сиг, хариус, щука. Любой мало-мальский рыбак, едва взглянув на это озеро, сказал бы, что в нём не может не быть рыбы. Вот и Сафонов был убеждён, что рыба есть, проблема лишь в неумении и лени рыбаков.

Я поступил на работу в сентябре. А скважину забурили раньше — в конце июля. Самое время было для рыбалки.

Силами экспедиции изготовили из досок лодку-плоскодонку, надёжно её просмолили и отнесли на озеро. На рыбалку ходили регулярно, каждый день после вахты, но озеро было словно заколдовано: сколько ни ставили сетей и перемётов, сколько ни делали забросов спиннингом с самыми различными видами блесен — рыба не попадалась. Разве что заморённый хариус длиной в ладонь или мелкая щучка на полкило. Рыбаки из числа наших геологов были избалованы иными уловами, поэтому энтузиазма у них поубавилось, а потом угас совсем.

Николай Павлович Сафонов — грузный, почти квадратный, с насмешливыми светло-серыми глазами и седым коротким ёжиком на голове — был страстным рыболовом. Он не раз порывался попасть на озеро, но у него сильно болели колени и спина, поэтому поход всё откладывал. Было время, когда он пытался соблюдать диету и сбросить вес, который считал главной причиной проблем со здоровьем, но ему не удавалось.

Обеспечить котлобак рыбой — это нужно для всех. Буровой мастер Сафонов сам пойти рыбачить не мог, но не мог он и обязать кого-то другого. Только и оставалось ему взывать к совести подчиненных.

Первым, кто откликнулся, был слесарь Гулевич:

— Рыба будет.

Этот Гулевич казался мне странным человеком. Есть люди, живущие с торопливой жадностью, с неоправданным риском, без которого им скучно, словно еда без перца и пряностей. На Севере я потом много таких встречал. Для тридцати восьми лет Гулевич выглядел несерьёзно: по-мальчишечьи вертлявый, суетливый, худой, утомительно го-

ворливый, с не поддающимся расчёске хохлом волос на макушке, с тлеющей сигаретой в углу рта. Ходил всё время в распахнутой телогрейке. Специалист он был посредственный, но с претензией на подвиг: рассказывали, что однажды осенью, когда уже лежал снег, он не побоялся нырнуть в ручей, чтобы зацепить трос за форкоп утонувшего бульдозера. А вот рутинный производственный процесс был ему скучен; когда же требовалось выполнить какую-либо отвлечённую работу — скажем, помочь в столовой, — он мгновенно преображался, брался за дело с азартом, сопровождая его рассказами о своей прошлой героической жизни. Врал настолько безыскусно, что это было ясно всем, даже юной лаборантке Танюше, но рассказы звучали забавно, слушать их было интересно.

Буровой мастер Гулевичем был недоволен, ворчал: «Ты совсем дорогу на буровую забыл, целыми днями околачиваешься в жилом городке. Ты слесарь или кухонный работник?»

И всё же Сафонов был добрым человеком, только по этой причине не выгонял Гулевича.

Готовность Гулевича обеспечить коллектив свежей рыбой он оценил.

— Снасти есть у тебя?

— Найдём. Напарник нужен.

— Это пожалуйста. Вот Гену возьми.

Сафонов мог бы добавить: от него всё равно никакого толку нет. Но не добавил из чувства такта.

Толку от меня действительно не было: нас не учили в институте эксплуатации и ремонту дизелей, мне приходилось набираться знаний по ходу работы, и я пока ещё мало чему научился. Носил масло, воду, помогал дизелисту Ивану. Вспоминая институтские лекции, ничего полезного из них не мог извлечь: какие-то формулы, графики, расчёты на прочность — сплошная дребедень. К чему мне всё это здесь, на буровой?

В первый день работы Иван, занятый чем-то, попросил меня пойти на палубу и запустить третий дизель.

Я спросил:

— А как?

— Что как? — не понял он.

- Как его запускать?
- Ты что, не умеешь?
- Не умею.

Иван не поленился подняться со мной на палубу и объяснить, каким образом заводится дизель. Он был удивлён моему вопросу, но не подал виду.

У Ивана было круглое, всегда улыбающееся лицо, он никогда ни с кем не ругался, даже когда надо ругаться, — молчит и тяжело вздыхает.

На решение бурового мастера отправить меня с Гулевичем я обиделся: досадно чувствовать себя пригодным только к рыбной ловле. Но приказ начальника не обсуждается, и я пошёл вслед за Гулевичем в его балок готовить рыболовные снасти.

Я никогда не увлекался рыбалкой, не мог понять фанатического пристрастия некоторых людей — замерев, часами глядеть на неподвижный поплавок, поэтому Гулевичу был не советчик. Через три-четыре месяца меня должны были перевести на базу экспедиции инженером, не для того меня учили пять лет, чтобы я носил спиннинг и сети с раздолбам-слесарем. Но я не хотел уходить с буровой, считая, что прежде надо освоить профессию, а потом уж становиться инженерно-техническим работником.

Гулевич желал выглядеть для меня подавляющим авторитетом, чуть ли не бóльшим, чем буровой мастер Сафонов.

Сначала слесарь негромко ворчал, потом стал на меня покрикивать.

Не выдержав, я сказал:

– Будешь хамить — один пойдёшь рыбу ловить.

И он примолк.

Часа за полтора, утопая сапогами в вязкой болотине, мы пробрались к озеру, поставили в протоках три сетки, натянутые на каркасы, называемые телевизорами, и два перемёта. На следующее утро пришли и проверили снасти: попало два средних размеров хариуса. Ещё два дня утомительного хождения на озеро дали примерно такие же результаты.

После этого я заметил, что Гулевич стал задумчив и немногословен. Было ясно: он

что-то замыслил. Мне это бессмысленное хождение на озеро по раскисшей тундре надоело, и я стал подумывать, каким образом смогу от этого отказаться. Например, болезнь — простуда, повышенная температура, слабость. Или боли в желудке. Ради такого случая стоило даже не пойти на обед и с мучением на лице сообщить об этой проблеме Сафонову.

Очень жаль, что тогда я не реализовал тот план.

Серое пасмурное небо отражалось в подёрнутой лёгкой зябью поверхности озера. Ветер усиливался, я надеялся, что пойдёт дождь и рыбалка не состоится. Но Гулевич и не собирался ставить сети.

На этот раз он зачем-то взял с собой мелкокалиберную винтовку — «мелкашку». Возможно, строил догадки я, он решил заодно и поохотиться, хотя ни зверей, ни птиц возле озера я не видел. Вопросов задавать не стал: отношения между нами так и не наладились, мы почти не разговаривали.

Я презирал этого человека: считал, что к тридцати восьми годам он остался никчемным клоуном, и не было надежд, что станет другим. А сам я в ту пору был болен юношеским максимализмом. Так что Гулевич ни в коей мере не отвечал моим требованиям к «настоящему мужчине». Пройдёт время, я проработаю в экспедиции много лет: начальником прокатно-ремонтного цеха, потом — главным механиком, буровое оборудование буду знать во всех подробностях. Я научусь быть терпимым к тем, кто в силу различных причин не смог достичь больших высот, но до этого ещё далеко.

На берегу озера был настлан фундамент в два наката брёвен, скреплённых скобами, на нём сооружено дощатое, обтянутое тёмно-зелёным брезентом укрытие, в котором располагалась небольшая электростанция и насос для подачи технической воды на буровую.

Под стеной укрытия Гулевич, наверное, ещё вчера, разглядел кислородный баллон, забытый монтажниками, соорудившими водонасосную. Баллон наполовину утонул в мягкой почве.

Гулевич попытался вытащить баллон, но он прочно застрял в тундре и не поддавался. Тогда слесарь раздражённо крикнул мне:

– Чего стоишь, помоги!

Вдвоём мы одолели баллон. Гулевич открыл колпак, напрягшись, открыл двумя руками кран, мощно пшикнув газом.

– Живой, – удовлетворённо сказал он.

– Зачем он тебе? – спросил я.

– Вырастешь – поймёшь.

Он что-то задумал. Не знаю почему, но мне его задумка сразу же внушила опасения: едва ли этот человек способен был предложить что-либо дельное.

Он отыскал на берегу брёвна, тоже оставленные монтажниками, и несколько стальных скоб, стал сооружать плот. Так и не понимая, в чём состоит его идея и какое отношение она имеет к ловле рыбы, я помогал Гулевичу.

– Объясни, что ты затеял, – наконец попросил я.

Тот не ответил. Гулевич стал молча бродить по берегу, отыскивая ещё какой-нибудь подручный материал. Нашёл два коротких бревна и куски досок.

– Всё будет отлично! – Гулевич чувствовал себя уверенно и пребывал в отличном настроении. – И навялим рыбы, и посолим, и для столовой хватит. Пусть Сафонов не переживает.

– Что ты меня за дурака держишь, – не выдержал я, – объясни, что ты хочешь сделать.

– Ты в институте учился?

– Ну и что?

– Если на дизельное масло кислородом подуть, что получится?

Я не знал, что получится, если подуть кислородом на дизельное масло. Может быть, на лекциях в институте об этом когда-то и шла речь, но я не запомнил.

Гулевич, выждав время, необходимое для ответа, с сожалением взглянул на меня и сказал:

– Взрыв будет, студент. Такие вещи надо знать.

– А зачем нам взрыв?

– Чтобы рыбы наловить.

Пока мы возились с брёвнами, небо окончательно набрякло свинцовыми тучами, грозно нахмурилось, словно возмущаясь прогрессивным методом ловли рыбы, изобретённым слесарем Гулевичем.

Из подручных средств был сооружён небольшой плот, на нём установлена трёхлитровая банка с дизельным маслом. Два плота – большой с кислородным баллоном, у которого будет приоткрыт вентиль, и малый с трёхлитровой банкой масла, – предполагалось пустить по озеру навстречу друг другу. Когда они встретятся, Гулевич выстрелит в банку.

После того как я понял смысл затеи, она мне разонравилась окончательно. Гулевич видел это, но моё слово решающим не было. Как все люди, которым редко выпадает случай принимать ответственные решения, он проявлял удивительную энергию и сообразительность, и чем энергичней он был, тем сильнее зрела во мне уверенность, что всё это кончится плохо. Но остановить Гулевича не представлялось возможным.

Сначала всё шло по его плану: большой плот и маленький двигались навстречу друг другу и должны были оказаться рядом почти на середине озера. Как вдруг ветер сменился, и малый плотик с банкой масла постепенно прибило к противоположному от нас берегу.

Гулевич занервничал:

– Кислород из баллона выйдет – тогда всё сорвётся.

Он столкнул в воду лодку-плоскодонку, ловко орудуя коротким самодельным веслом, пересёк озеро и, зацепив плотик рукой, отбуксировал его, расположив напротив большого плота, – так, чтобы он двигался в нужном направлении. Гулевич не учёл того, что возвращаться к берегу ему придётся против ветра. Сообразив, что он может не успеть, Гулевич принялся грести изо всех сил, но лодка, сдерживаемая ветром, почти не трогалась с места. Оставалась последняя надежда, что банка после столкновения плотов не плеснёт маслом; горлышко её Гулевич второпях заткнул куском тряпки, но она провалилась внутрь банки.

Понимая, что катастрофа уже неизбежна,

я упал лицом в траву, прикрыл затылок руками. Страшной силы взрыв потряс воздух, и я подумал, что этого суетливого человека, с которым я только что разговаривал и на которого так сердился, больше не существует. Страшное предположение никак не могло уместиться у меня в голове, ведь я был совсем мальчишка, хотя мне и вручили диплом инженера.

Я лежал на земле не шевелясь, не в силах что-то предпринять — я был уверен: только что жизнь впервые столкнула меня с гибелью человека. И теперь я не представлял, что в такой ситуации следует делать. Идти на буровую? Но меня сразу же спросят: где Гулевич? Придётся объясняться. К такому я был совсем не готов.

Я лежал некоторое время, как вдруг услышал, что ко мне кто-то приближается. Поднял голову и увидел, что это совершенно мокрый, сгорбленный, словно под непосильным грузом, человек. Если судить по одежде — Гулевич. Но глаза у него были пустые и отрешённые — у Гулевича не могло быть таких глаз.

Спохватившись, я мигом вскочил, подбежал к нему, стал его лихорадочно ощупывать, словно проверяя, всё ли на месте: руки, ноги, голова. Я что-то спрашивал у него.

Гулевич молчал, иногда по его телу пробегала волной крупная дрожь.

Поверхность воды была густо усеяна рыбой, всплывшей вверх брюхом, — озеро действительно было рыбным, буровой мастер Сафонов не ошибся. Но в те минуты мы с Гулевичем не обращали на это внимания.

Юрий Александрович ПОКЛАД

родился в 1954 году в Свердловской области.

Окончил политехнический институт в г. Самаре.

Работал в геологоразведочных экспедициях глубокого бурения.

Публиковался в журналах «Юность», «Москва», «Аврора», «Слово/Word» (США), «Чайка» (США), «Подвиг», «Кольцо А» и др., а также в альманахах, коллективных сборниках.

Автор книги очерков (2002) и трёх книг повестей и рассказов:

«Осколки Северного Братства» (2012),

«На край света и даже дальше» (2014),

«Увидеть радугу» (2019).

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

